

Старинная любовная история про два ключа, про пиво наше «Владимирское», спасшее жизнь ссыльного польского шляхтича Адама Пшенчшкевича амурной волею мещанки нашей Томилиной, прогремела по всем Европам тому уж лет как за тридцать. Даже в «Московских Ведомостях» от августа 1887г. было прописано...

Два ключа, - одинаковых, что твои близнецы, - были от осьмого складского подвала, в коем со времен первого нашего пивозаводчика, Василиска Петровича Загородникова, держали бочки исключительно с мартовским пивом.

По замете предка, сын его Андрей Василискович домашним своим ключницам только можжевеловую в буфетной доверял стеречь, а в заводе – тут другое дело, тут в складовщиках только самые почтенные граждане мещанского сословия.

Так и вдова Олимпиада Томилина состояла при осьмом мартовском складе, заведующая от оною одним-единственным тем ключом (ведь о втором-то до поры и не мыслил никто!). Ключ по всем гинструкциям каждый вечер сдавала в контору заводууправления и якобы спать домой шла одиноко.

А того никому не ведомо, что у вдовицы-то нашей примерной два ключа от осьмого подвала было! А тем уж паче не ведомо, что проживает уж тому как *о с ь м н а д ц а т ь* лет на пиве в мартовском подвале беглый один ссыльный с Владимирки. Да не босяк или тать, а взаправдошний польский граф!

Вдовица-то Томилина ведь была какова: ни один раз еды в складское не носила, ни одёжи какой, ни чего ещё...

Да и правда, зачем ссыльному какая еда, коль он на одном пиве нашем мартовском жил, которое до того густое, что хоть ложкой его ешь?

А зачем ему одёжа, коли от брожения и зимой и летом тепло, да и ежели он на пиве нашем хмельном мартовском пробавлялся и сам аки котиче мартовское пребывал во все ночи со своею любезною Липушкой? Днём-то она поляка и не видела вовсе, смущалась, он в дальних бочках всё спал, а ночью...

Вот затем и нужен был вдовице второй ключ, что ночью...

И так, отцы мои, цельных, повторюсь, *о с ь м н а д ц а т ь* лет. Вот какое у нас расчудесное пиво, «Владимирское».

А как всё открылось? Да тоже дивно. В один день из Петербурга нарочный: шась к хозяину, перешептались, и напрямом в осьмой складской подвал. Отворили дверь и кричит нарочный: - *Выходи, грит, ваше сиятельство пан Адам Пшенчешкевич! Новый помазанник, государь-император Николай I тебе свою полную амнистию дарует и почёт, за то, что от его державного батюшки за шляхетскую дворянскую вольность пострадал!...*

Тут граф и вышел, и действительно: аки новый Адам. Со многими тогда сделался пребольшой конфуз и диво. А Липушка отдаёт хозяину два ключа – правильный да самоковный – и в ноги: прости, мол, батюшка... Андрей же Василискович сам чувств почти лишился и не отверзть ему уст. Махнул только рукою слабо и ушёл деревянно в контору, с машинальностью два энтих ключа из другой руце не выпуская. Так и ходил с ними до самой Пасхи...

А потом приказал: никогда боле пива мартовского в заводе не варить, складской тот подвал засыпать, а вот два ключа накрест в конторе под рамку повесить, потому как через эту историю пиво наше «Владимирское» замечательно всё-таки прославилось. Но последнее уже в другой год было.

А что вдовица? Уехала за своим графом, и всё Андрею Василисковичу письма покаянные изо всех Европ писала.

А тот и не читал ни единого, так всё их в камине и жёг, не распечатав...